

АЛЕКСЕЙ ГРЯЗИНСКИЙ

НИКТО НЕ СМОТРЕЛ НА ДОЖДЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Алексей Грязинский

Никто не смотрел на дождь

«Автор»

2026

Грязинский А.

Никто не смотрел на дождь / А. Грязинский — «Автор», 2026

Человечество покорило планеты, но разучилось видеть чудо без расписания. В день, когда Парад Розовых Облаков отменяется из-за внезапной бури, разочарованный город расходится по домам. И только мальчик Лео замечает, что природа подарила людям нечто большее, чем запланированное шоу — самую обычную, но живую радугу. Вот только взрослые слишком заняты сожалениями, чтобы поднять глаза.

© Грязинский А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Грязинский

Никто не смотрел на дождь

В действительности уже никто и не мог в точности вспомнить, как всё это началось. Была ли это простая шутка в затворках кулуаров, или к этому всему причастны многочисленные резолюции, или дело в простой ошибке в расчётах метеорологов, которую удобно признали «проектом, готовившимся в строжайшей секретности». Любопытные, впрочем, могли обратиться к горам архивных документов, но кто бы дал гарантии правоты всего, что в них хранилось? Ведь для них куда важнее, чтобы версии лежали ровно, одна к другой, желательно в хронологическом порядке. А где истина? Частично тут, частично там отчасти в затворках памяти стариков, которые рассказывали своим внукам полувыдуманные сказки далёкого прошлого.

Томас Бреннан, инженер климатических барьеров Третьего Жилого Купола, стоял на раздвижной лестнице из анодированного алюминия и тёр выпуклую многослойную линзу куском мягкой фланели. Линза была старая. Её собрал ещё отец Томаса — человек, в сущности, ничем не примечательный, если не считать одной странности, которая в другое время сошла бы за безобидное чудачество, стала чем-то вроде семейного поверья. Он верил — нет, не верил, он знал, — что точная оптика способна исправить если не всё мироздание, то хотя бы тот его угол, который попадает в поле зрения. Сделать его резче. Чётче. Терпимее, в конце концов.

Томас унаследовал не столько саму линзу, сколько эту веру — и теперь, сорок лет спустя, стоял на лестнице и протирал стёкла, потому что вера без регулярной протирки, как известно, мутнеет.

Прибор представлял собою хитроумную комбинацию зеркал и преломляющих стёкол — оптическую систему такого рода, какую в прежние времена называли бы камерой-обскурой, только вывернутой наизнанку и поставленной на службу зрелищу. Он проецировал небесное шоу на стену гостиной, создавая эффект открытого космоса, — и, надо признать, создавал его с той избыточной достоверностью, на какую способна только очень старая техника, собранная вручную. Соседи Бреннанов пользовались стандартными ретрансляторами, которые, по убеждению Томаса, давали «усреднённую цветопередачу с недопустимым сдвигом в жёлтый спектр». Что именно было недопустимого в этом сдвиге, он не мог бы объяснить словами, но ощущал его почти физически. Видеть мир в полном спектре казалось ему наследованным от предков долгом, вопросом почти этическим — хотя этика, как известно, редко вторгается в область цветопередачи, а когда вторгается, это обычно кончается плохо.

— Смести фокус на два деления к зениту, — сказал он, не оборачиваясь к жене.

Марта Бреннан, архивариус второго ранга муниципального хранилища данных, закрепляла на веранде три посадочных кресла с гравитационными демпферами. Кресла эти были старые — из тех, что приобретались ещё у первых марсианских колонистов, — и обладали одной занятной особенностью: в момент прохождения облаками ионосферного пика они начинали вибрировать. Вибрация была, строго говоря, паразитной — результат заводского дефекта индукционных катушек, — но, как это часто случается с дефектами, которые не удается устранить, со временем она превратилась в норму, а норма — в традицию. Марта не гордилась креслами, но и не тяготилась ими — скорее, относилась к ним с тем особым, чуть усталым приятием, с каким относятся к пожилым родственникам, чьи странности давно перестали удивлять.

— В прошлом году из-за твоей калибровки мы захватили хвостовую часть потока с опозданием на четыре секунды, — заметила Марта, не поднимая головы. — Соседи увидели вход в гравитационный колодец раньше.

— Соседи, — отозвался Томас все тем же ровным голосом, — пользуются стандартными экранами и не знают разницы между коралловым и пурпурным. Я сам паял им разъёмы.

Их сын, десятилетний Лео, сидел на пороге веранды и ковырял отвёрточным манипулятором старый погодный датчик. Мальчику было скучно, и скука эта имела не возрастную, а, так сказать, метафизическую природу. Он не понимал, почему взрослые, обычно рассудительные и даже скептические, раз в год впадают в состояние ритуального возбуждения из-за скопления ионизированного газа, пусть и красиво подсвеченного. Сам он предпочёл бы пойти к Старой Станции, где сегодня монтировали атмосферные диффузоры бригады с Титана. Говорили, что титанцы носят скафандры низкого давления, похожие на надувные игрушки, и Лео почему-то находил эту мысль ужасно забавной.

— Лео, если ты не занят делом, проверь калибровку третьего кресла, — сказала Марта. — Оно вибрирует на высоких частотах.

— Я разобрал амортизатор, — ответил мальчик. — Там износ катушки. Я не смогу починить до начала.

— Тогда не сиди без дела, — вставил Томас с лестницы. — Принеси со склада изоляционную ленту. Тип Б-12.

— Я хочу пойти к Старой Станции, — сказал Лео и поднялся, отряхивая колени. — Посмотрю на титанцев.

Марта хотела возразить, привести логический довод о семейном единении, но математика взяла верх. Коэффициент полезного действия мальчика в подготовке стремился к отрицательным значениям. Если он останется, то с большой вероятностью уронит колбу с охлаждающей жидкостью или перепутает кабели. Она махнула рукой.

— Иди. Включи погодный сенсор на браслете. И к началу чтобы был дома. Без возражений.

Лео кивнул, схватил ветровку с магнитными застёжками и выскользнул в проём автоматической двери прежде, чем родители успели передумать.

Оставшись вдвоём, Томас и Марта перешли к финальной стадии настройки. Томас включил общий интерком-канал квартала. Из динамика донёсся голос Риты, их соседки с нижнего яруса, женщины грузной, энергичной и состоявшей в сложном полигамном браке с тремя мужьями разной видовой принадлежности. С точки зрения законодательства Солнечной Федерации это была стандартная семейная ячейка смешанного типа — формулировка, надо заметить, совершенно бессмысленная за пределами юридического департамента, но дававшая Рите известное удовлетворение всякий раз, когда она её произносила. Голос её, вырвавшийся из динамика интеркома, дрожал — нет, не дрожал, а вибрировал, как перетянутая струна.

— Бреннаны, приём! Как у вас с кислородом? Мы тут повесили тент, дополнительный, с ультрафиолетом. Мой средний — ну, тот, что с Цереры, — твердит, будто при прохождении через ионосферу будет скачок, и жёсткий, представляете? У вас очки-диафрагмы есть?

— Нового поколения, — отозвалась Марта. — Не то, что в прошлом году.

В прошлом году они действительно все потом ходили с ожогами сетчатки — воспоминание было из разряда тех, какие принято называть забавными, хотя ничего забавного в нем, положила руку на сердце, не имелось.

— Пришлите параметры! — не унималась Рита. — Мой старший, — он у нас умник, — поймал что-то с Юпитерианской станции, говорит, облака в этом году двинут не с Марса, а напрямую из Пояса. Представляете? Будут розоветь прямо из камней! То есть мы будем сидеть, а они — розоветь. Из камней!

Томас, не тратя время на ответные восторги, принялся диктовать цифры. Пальцы его бегали по сенсорной панели с той особой, почти музыкальной скоростью, какая приходит к человеку, который двадцать лет имеет дело с одними и теми же приборами.

Мысли его, впрочем, были заняты не диктовкой. Диктовать он мог и почти на автомате, а вот вести расчёт на атмосферные рефракции требовало больше усилий. Вещица, по своей сути, была, по большому счёту, мелкая, но пренебреги ей — и быть беде. Спектр обязательно

сместится на добрые полградуса, таща за собой остальные цвета. А там, глядишь, и пурпурный станет сиреневым, а коралловый — бледно-розовым, и соседи потом будут вежливо, но с усмешкой интересоваться, что это у вас с проектором. Так мелкий пустяк при недолжном внимании мог стать той ещё занозой в пальце. Или ещё где побольнее. И Томас, мысленно пересчитывая угол преломления уже в четвёртый раз, прекрасно это сознавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.